

ГЛЕБ
УСПЕНСКИЙ

НЕИЗЛЕЧИМЫЙ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
У77

Успенский, Г.И.

У77 Неизлечимый/ Г.И. Успенский. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 170 с. – (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-66371-7

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Глеба Ивановича Успенского «Неизлечимый».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

НЕИЗЛЕЧИМЫЙ	5
I. Глухой городок	5
II. Рассказ	18
III. Вечерком в глухом уголке	29
IV. Учительница	46
V. Болезнь	63
ЗЕМНОЙ РАЙ	69
ВЫПРЯМИЛА	88
ВОЛЬНЫЕ КАЗАКИ	122
ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ	160

НЕИЗЛЕЧИМЫЙ

I. ГЛУХОЙ ГОРОДОК

...Летние месяцы прошлого года мне пришлось провести в одном маленьком уездном городке средней полосы России. Жил я у моего старого знакомого, занимавшего в этом городке должность уездного врача... Скучное это было житье... Если бы не частые поездки в уезд, которые моему приятелю по обязанностям службы приходилось делать чуть не каждую неделю, поездки, в которых и я принимал постоянное участие в качестве простого наблюдателя, — я не знаю, помянул ли бы я добром эти летние месяцы, проведенные «в гостях у друга».

Городок принадлежал к числу самых заброшенных, самых бедных и глухих провинциальных углов, в котором, кроме всех видов бедности и всех видов неразлучного с бедностью невежества — то забитого, робкого, беспомощного, то самодовольного и поэтому еще более, чем другие сорта, отвратительного, — помимо всего этого, хорошо и давно знакомого всем знающим русские захолустья, городок этот поражал всякого, даже постороннего зрителя, и поражал очень неприятно явными признаками вымирания тех ничтожных крупиц жизненной силы, которая в прежнее время давала ему хоть и «кой-какую», но все-таки возможность существовать, жить, иметь хоть и крошечные, но

все-таки действительные цели, побуждавшие его, перебиваясь изо дня в день, надеяться на что-то в будущем... Новые времена сразу убили эти крошечные цели существования, оставили городок вне круга железных дорог, а следовательно, и вне принесенных ими денег, вне новых родов заработка, новых пунктов труда. Инстинктивное сознание собственного всегдашнего бессилия подсказало городку, что ни этим новым дорогам, ни этим новым деньгам и заработкам незачем и никогда не придется идти в этукую глушь, и вследствие этого сознания все, что было побойчей, помоложе, ушло из города, покинув свои дедовские, почернелые, с переломленной пополам высокой гнилой крышей дома, и оставило в них доживать свой век тех, кто не умел жить и наживать деньги «по-новому», кто отчаялся и махнул рукой...

Городок подгнивал, разваливался, заколачивал гнилыми досками гнилые окна и двери опустевших домов и лавок и беспрестанно, ежеминутно роптал, роптал на бедность, на то, что нечем оплатить патента, что вон еще идут какие-то права, за которые «опять же отдай», что не только отдавать и получать новые права, а и кормиться не на что, что торговля нет никакой, что хорошо бы было, ежели бы господь призвал к себе и успокоил... Эти жалобы и причитанья слышались всегда и повсюду: причитал лавочник, продавая захожему солдату пучок махорки, причитал за стойкой кабатчик, наливая проезжему мужичку стаканчик вина, причитала торговка рубцами и печенкой, сидя на горячем горшке с своим товаром и чувствуя, что скоро совсем переведется на белом свете всякий покупатель... Словом, где бы ни находился уездный человек, что бы он ни делал, — стоял

ли за прилавком или так дома сидел на крылечке перед отходом ко сну, — он постоянно роптал, причитал и постоянно приходил к той мысли, что ему осталось одно — с миром принять праведную кончину. Такого рода уныние проникло всюду, где прежде было относительное довольство, где по воскресеньям дымился пирог и где всегда нашлась бы новая чуйка или шалевый платок, чтобы пройтись к обедне или погулять... Что же сказать об унынии того уездного люда, у которого никогда от сотворения мира не было ни прилавка, ни пирога, ни чуйки и который всегда жил кое-как и кой-чем? Существование этого народа в данную минуту было поистине фантастическое. Нижеследующий разговор, который однажды пришлось вести мне с толпою этого уездного люда, даст читателю, я полагаю, некоторое понятие об этом сказочном существовании.

— Как же вы живете-то? — спрашивал я.

— Да бог ее знает как! — отвечали мне.

— Да как же именно?

— Да так вот именно, что кое-как...

— Толчешься будто вокруг пустого места, — объяснял более обстоятельно понимавший дело житель: — Ну, ан-но бутто и пропитываемся, вроде как пропитание!..

— Покуда бог грехам терпит, то и живы! — объяснял другой, более скромно глядевший на дело обыватель.

И, должно быть, объяснение это было очень верное и правильное, потому что тотчас, как только было произнесено слово «бог», в толпе обывателей произошло значительное оживление.

— Да что же ты думаешь? — заговорило сразу несколько человек: — Тут только и есть, что господь явно не покидает...

— Явно! — подтвердил хор.

— Послушайте-кось, православные, — живо заговорил один из этого хора: — Что было со мной!.. Пришло мне дело так, что ложись да помирай!.. Покуда у Пастуховых дело шло, все ничего, жили кое-как, а как пошло у них на разладку, хоть вот, говорю, иди да топись!.. Бился-бился, туда-сюда, нет!.. Пришло помирать голодной смертью!.. Выскочил я, не помню и что и куда, выскочил я так-то из хибарки-то, сам не знаю, не то топиться, не то давиться, хватъ!..

Все притихли, потому что это «хватъ» было произнесено удивительно весело и, очевидно, предвещало какое-то удивительное проявление божия милосердия.

— Хватъ, братцы мои, а как есть передо мной на снегу два зайца сидят!..

— То-то чудеса-то!..

— Божие произволение!.. господь-батюшка!..

— Два?

— Как есть, братцы мои, два зайца, и сидят рядышком, не шелохнутся!..

— Истинно божие, например, указание.

— Ты вот что рассуди, отчего они не шелохнутся-то, кто их держит-то, словно мне подает — «на, мол, Кузнецов, возьми их!»; ты вот что раскуси!..

Многие вздохнули: так было ясно всем, что тут был бог.

— Ну, я их сгреб конечно, — закончил рассказчик, когда всеобщее умиление несколько ослабло, — и сволок к исправнику, за полтинник!.. Ну, и перебился.

Немедленно со всех сторон послышалось желание подтвердить собственным опытом эту явную заботу провидения о бедном народе. Очевидно, со всяким был такой или

подобный этому случай, но из массы начавшихся рассказов всех заинтересовал один, в котором все были поражены очень трогательным окончанием. Уездный житель, с которым приключилось это трогательное событие, тоже, как и первый рассказчик, прежде жил «вокруг» купцов Пастуховых, а как пошли они на разладку, «стало ему так, что помирай!» Хотел он так-то раз топиться или давиться, хорошенько он этого не помнит, и сам не знает, зачем побежал к реке... И только было хотел бухнуть, вдруг что-то под ним заорало благим матом.

— Гляжу, братцы мои, гусь, зда-ар-раве-ен-ный-пре-здаравенный, дикий гусь!

Сдержанный гул приятного изумления пронесся между слушателями.

— Фунтов от восьми, братцы мои, — каким-то жирным басом продолжал рассказчик: — Эдаким вот манером, чисто как окорок... Одно слово, верный целковый!.. Отдавил я ему ногу и крыло, глянул так-то, вижу, рубь серебра, не меньше, господь мне послал.

— Восемь фунтов?.. Целковый смело!

— Дикий гусь всегда рубь.

— Цена известная!..

— И что же апосля этого случилось, братцы вы мои! — жалобно возгласил рассказчик и остановился. В публике почувствовалась ясно видимая тревога насчет этого рубля, посланного богом в виде гуся.

Все примолкли.

— Поволок я его на базар, — жалобно продолжал рассказчик, — хоть бы те вот одна душа!.. Ходил-ходил, братцы мои, нет никого, да и шабаш!.. Я к исправнику, не взял...

Я к лекарю — нет дома... Я туда, я сюда, хоть вот ложись да помирай: то дома нет, то «не надо»... Что ж ты думаешь?

Последняя фраза была произнесена таким отрывистым тоном и с таким решительным ужасом в чертах лица рассказчика, что все просто онемели, ожидая страшной развязки.

— Ведь так сам и съел гуся-то!

Загудела и зачмокала толпа, сожалея.

— Так, братец ты мой, и слопал сам!

— Эко не поладилось как!

— Эх-ма-хма-хма!.. Рублик-то серебреца!..

— Так и сожрал!.. — подбавляя масла в огонь, прибавил рассказчик.

— Эх-хе-хе.

— Да жирный, пострел, какой — страсть! Так у меня все нутро и переворачивалось. Как гляну на него, не идет в горло, да и шабаш!..

— Эх-хе-хе-е!..

— Так вот все внутренности и перевертываются, как гляну... Вот какое дело... В самую коронацию было, как теперь помню, во — какой, как поросенок!..

Словом, существование этого люда было, без всякого преувеличения, сказочное, фантастическое. «Как бог пошлет» и «коли пошлет бог!» — вот что они по сущей справедливости могли объяснить в разгадку этого существования: вдруг забежит чуть не в сени волк, ну, убьют, сдерут шкуру: слава богу, это хорошо, господь посылает, а не забежит волк, или не наступишь случайно на гуся, или не наткнешься как-нибудь, купаясь, на шуку, не поймаешь ее рукой за жабру, не продашь — тогда хоть ложись да помирай